

Глава LX. КОНЕЦ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Раньше 31 мая, когда революционеры из монтаньяров видели, как революция задерживается в своем развитии сопротивлением жирондистов, они старались опираться на коммунистов и вообще на тех, кого называли «бешеными». Робеспьер в своем проекте «Декларации прав», внесенном в Конвент 21 апреля 1793 г., где он высказывался за ограничение права собственности, Жанбон Сент-Андре, Колло-д'Эрбуа, Бийо-Варенн и другие приближались тогда к коммунистам; и если Бриссо в своих свирепых нападениях на монтаньяров смешивал их с «анархистами», разрушителями прав собственности, то делал он это потому, что в ту пору монтаньяры действительно еще не старались резко отмежеваться от крайних.

Однако уже после февральских бунтов 1793 г. Конвент принял угрожающее положение по отношению к коммунистам. По докладу Барера, который не задумался представить их агитацию как дело духовенства и эмигрантов, Конвент вотировал с увлечением 18 марта 1793 г. (несмотря на сопротивление Марата) «смертную казнь тем, кто будет предлагать аграрный закон, нарушающий земельную собственность, общинную или личную».

При всем том монтаньярам приходилось еще щадить «бешеных», так как парижский народ был им нужен против жирондистов, а «бешеные» были популярны в более деятельных и революционных секциях. Но как только главные жирондисты были арестованы и сила их партии в Конвенте была надломлена, монтаньяры обратились против тех, кто хотел «революции в действительности, раз она совершилась в идеях» и раздавили их.

К сожалению, среди образованных людей того времени не нашлось никого, кто мог бы изложить в виде стройного целого нарождающиеся коммунистические стремления и заставить себя слушать. Марат мог бы это сделать, но в июле 1793 г. его уже не было в живых. Эбер был слишком большой сибарит, чтобы отдаться всецело этому делу; он слишком принадлежал к обществу любителей наслаждений Гольбаховской школы, чтобы стать защитником анархического коммунизма, пробивавшегося в народе. Он мог принять в своем журнале язык санкюлотов, как жирондисты приняли их красный шерстяной колпак и разговор на «ты»; но так же, как и жирондисты, он стоял слишком далеко от народа, чтобы понять и выразить его еще неясные стремления. И он кончил тем, что соединился с Горюю, чтобы погубить Жака Ру и «бешеных» вообще.

Бийо-Варенн понимал, по-видимому, лучше других «горцев» необходимость глубоких перемен в коммунистическом направлении. Он сознавал одно время, что рука об руку с республиканской революцией должна была идти социальная революция. Но он также не имел мужества стать борцом за эту идею. Он вошел в правительство и кончил тем, что стал говорить, как другие монтаньяры: «Сперва республика — социальные меры придут позже». На этом ложном понимании революционной задачи погибли монтаньяры, и на том же погибла республика.

Факт тот, что с первых же своих шагов республика пробудила столько личных интересов, что они не могли дать развиваться коммунизму. Против воззрений коммунистов на земельную собственность стояли все выгоды буржуазии, набросившейся на разграбление национальных имуществ, пущенных в продажу.

В этой продаже законодатели Учредительного и Законодательного собраний видели только средство обогатить буржуазию на счет духовенства и дворянства. О народе они мало думали. А так как государство терпело страшную нужду в деньгах, то с августа 1790 по июль 1791 г. эти имущества продавались «с яростью» буржуазии, крестьянам побогаче и даже английским и голландским компаниям, покупавшим земли с целью спекуляции. При этом, когда покупатели, заплатившие при покупке не более 20 или даже 12% покупной цены, должны были сделать следующий взнос, они выискивали всякие предлоги, чтобы ничего не вносить, и очень часто успевали в этом.

Впрочем, так как крестьяне громко жаловались на то, что им ничего не доставалось из этих земель. Законодательное собрание в августе 1792 г., а потом и Конвент своим декретом 11 июня 1793 г. (см. главу XLVIII) бросили им на разживу общинные земли, т. е. единственную опору бедных крестьян*. Кроме того, Конвент обещал, что земли, конфискованные у эмигрантов, будут разбиты на участки от полудесятины до двух десятин, чтобы продавать их бедным крестьянам, которые держали бы их в аренде с правом выкупить эту аренду во всякое время. Конвент постановил даже в конце 1793 г., что для волонтеров-санкюлотов, записавшихся в армию, будет выделено на 1 млрд. национальных имуществ, чтобы волонтеры могли покупать их на выгодных условиях. Но ничего положительного не было сделано. Этот декрет, как и многие другие декреты того времени, остался без исполнения.

*Большинство историков видели в этом мере, выгодную для крестьян. В действительности же она лишала бедных крестьян единственной оставшейся для них земли. Вот почему это распоряжение встретило в деревнях такое сопротивление.

Когда Жак Ру пришел в Конвент 25 июня 1793 г., т. е. меньше четырех недель после движения 31 мая, и говорил от имени своей секции против спекуляторов ассигнациями и жизненными припасами, требуя законов против них, его речь была принята дикими завываниями законодателей. Его выгнали из Конвента, провожая криками и угрозами*. А так как он нападал на монтаньярскую конституцию и пользовался сильным влиянием в своей секции Гравилье и в Клубе кордельеров, то Робеспьер, который никогда не показывался в этом клубе, отправился туда 30 июня (после бунтов 26 и 27 июня против торговцев мылом) по поручению Клуба якобинцев. Он явился у кордельеров в сопровождении Эбера и Колло д'Эрбуа и добился, чтобы Ру и его товарищ Варле были

вычеркнуты из списков клуба.

*«Одним богатым, — говорил Жак Ру, — пошла на пользу за эти четыре года революция; нас притесняет теперь торговая аристократия, еще худшая, чем аристократия дворянская, и мы не видим конца их прижимкам, так как цены на все товары растут в ужасающей пропорции. Пора, однако, положить конец этой борьбе на жизнь и смерть, которую эгоизм ведет против рабочего класса... Неужели собственность плутов священнее жизни людей? Необходимо, чтобы жизненные припасы могли подлежать реквизиции администрацией, точно так же, как в ее распоряжении находится войско». Ру упрекал затем Конвент в том, что он не конфисковал состояний, нажитых во время революции банкирами и скупщиками-спекуляторами, и он прибавлял, что насильственный заем, который Конвент велел сделать у богатых, «капиталисты и купцы завтра же взыщут с санкюлотов при помощи монополии искусственного подъема цен», если монополия торговли и спекуляции останутся тем, чем были до сих пор. Он прекрасно понимал опасность, которую представляла эта монополия для революции, и говорил: «Спекуляторы забирают в свои руки мануфактуры, морские порты, все отрасли торговли, все продукты земли, чтобы морить голодом и холодом друзей справедливости и толкать их в руки деспотизма» (я цитирую по тексту речи Ру, найденному Бернар Лазаром и напечатанному у Жореса. См.: Jaures J. Histoire Socialiste, v. 3—4. La Convention).

С тех пор Робеспьер неустанно клеветал на Ру. Так как Ру случалось критиковать бесплодность революции для народа и говорить (как это случается с социалистами и в наши дни), что при республике народ страдал еще больше, чем под королевской властью, то Робеспьер никогда не упускал случая обозвать Ру, даже после его смерти, «подлым попом», продавшимся иностранцам, и «подлецом», «желавшим возбудить опасные беспорядки» с целью повредить республике.

С июня 1793 г. Ру был уже обречен на смерть. Его обвинили в том, что он был виновником бунтов против торговцев мылом. Позднее, в августе, когда он стал издавать с Леклерком газету «Тень Марата», против него направили вдову Марата, которая протестовала против такого заглавия; и наконец, с ним сделали то, что буржуазия уже сделала с Бабефом. Его обвинили в воровстве, в том, что он утащил ассигнацию, полученную им для Клуба кордельеров, тогда как, согласно верному замечанию Мишле, «эти фанатики тем и выделялись, что были бессребреники». Среди всех выдающихся революционеров Ру, Варле и Леклерк были, несомненно, образцами высокой честности.

Напрасно секция Гравилье, к которой принадлежит Ру, требовала от Коммуны его освобождения, ручаясь за него. Напрасно то же делал Клуб революционных женщин: их клуб за это закрыли.

Наконец, Ру и его друзья, возмущенные таким обвинением, явились однажды вечером, 19 августа, на общее собрание своей секции Гравилье, сменили председателя и секретарей и назначили Ру председателем. Но тогда товарищ прокурора Коммуны Эбер выступил 21 августа перед Клубом якобинцев против Ру, и дело было передано Совету Коммуны, где прокурор Шометт обвинил Ру в покушении на верховную власть народа и потребовал для него смертной казни. Против Ру возбудили судебное преследование, но его секции удалось

добиться освобождения на поруки, что и было сделано 25 августа. Следствие, однако, продолжалось, и опять осложнилось обвинением в воровстве, так что 23 нивоза II года (14 января 1794 г.) от Ру потребовали предстать перед полицейским уголовным судом.

Этот суд вследствие важности поступков, в которых обвинялся Ру (насилие в секции), объявил себя некомпетентным и решил передать дело в Революционный трибунал. Но тогда Ру, зная, что его ждало, тут же в суде ударил себя тремя ударами ножа. Председатель суда бросился к нему, обнимая его с любовью, и дал ему при всех «гражданское лобзание». Раненого Ру перенесли, однако, в больницу тюрьмы Бисетр, где, как донесли прокурору революционного суда Фукье-Тенвилю, он старался «истощить свои силы». Наконец, он вторично ударил себя в грудь ножом, ранил себя в легкое и умер от раны. Судебное вскрытие помечено 1 вантоза, т. е. 19 февраля 1794 г.*

*Jaures J. Histoire Socialiste, v. 4. La Convention, p. 1698, 1699.

Народ, особенно в центральных секциях Парижа, понял тогда, что с надеждами на «равенство на деле» и «благосостояние для всех» надо расстаться. Гальяр, друг Шалье, перебравшийся в Париж из Лиона, после того как Лионом овладели монтаньяры и выпустили его из тюрьмы, где жирондисты держали его во все время осады, тоже убил себя, когда узнал, что их товарища Леклерка арестовали вместе с Шометтом и эбертистами.

В ответ на все эти коммунистические требования и видя, что народ готов отойти от революции, Комитет общественного спасения, избегая, впрочем, всего, что могло бы вооружить против него «Болото» Конвента (центр) или Якобинский клуб, выпустил 21 вантоза II года (11 марта 1794 г.) высокопарный циркуляр, адресованный комиссарам Конвента, разосланным в провинции. Но этот циркуляр, так же как и знаменитая речь, произнесенная через два дня (23 вантоза) Сен-Жюстом, заканчивался только обещанием государственной благотворительности для бедных граждан, довольно-таки скупой, надо сказать.

«Сильный удар был необходим, чтобы низвергнуть аристократию, — писал Комитет в своем циркуляре. — Конвент нанес этот удар. Добродетельные бедные люди должны были вернуться в обладание тем, что у них преступно отнято было... Нужно, чтобы террор и справедливость повсюду одновременно наносили свои удары. Революция—дело народа: пора, чтобы она пошла ему на пользу». И так далее в том же тоне. Слова, одни слова!

И при всем том Конвент ровно ничего не сделал. Декрет 13 вантоза II года (3 марта 1794 г.), о котором так высокопарно говорил Сен-Жюст, сводился к следующему: каждая коммуна должна была составить список неимущих патриотов, и тогда Комитет общественного спасения представит доклад о средствах наделить всех неимущих именьями, отнятыми у врагов революции. В этих именьях им будет нарезано по одному арпану земли (полдесятины) в собственность! Для стариков же и бедных Конвент решил несколько позже, т. е. 22 флореаля (11 мая), открыть «Книгу национальной благотворительности»*.

*Старикам и бедным земледельцам записывалась в этой книге пенсия в 160 ливров (франков) в год; старикам и бедным ремесленникам — 120 ливров, а их матерям и вдовам —

до 80 и 60 ливров.

Нечего и говорить, что для бедных крестьян эти обещанные им полдесятины имели вид насмешки, тем более после потери ими общинных земель. Впрочем, за исключением некоторых отдельных местностей, это обещание даже не попробовали привести в исполнение. В большей части Франции те, кто сам ничем не завладел, ничего не получили.

Прибавим, однако, что некоторые комиссары Конвента, как Альбитт, Колло д'Эрбуа и Фуше в Лионе, Жанбон Сент-Андре в Бресте и Тулоне, Ромм в Шаранте, проявили в 1793 г. некоторое стремление социализовать имущества. Когда Конвент издал закон 16 нивоза II года (5 января 1794 г.), в силу которого «в городах, осажденных, блокированных и окруженных неприятелем, все товары и предметы будут обращены в общее пользование» (*mis en commun*), можно сказать, говорит Олар, что «было стремление прилагать этот закон и к городам, которые не были осаждены, ни блокированы, ни окружены»*. Но этими немногими попытками дело ограничилось.

*«Таким образом, в этот период притеснений напрасно стали бы мы искать выступления социалистических теории. Но частные и эмпирические меры, принятые в то время, случайные законы, вызванные обстоятельствами, временные учреждения, из которых слагалось революционное правительство, — все это, вместе взятое, дает такое положение, которое косвенно подготавливает умы, несмотря на молчание социалистов, к социальной революции и отчасти уже приводит ее в исполнение», — пишет Олар («Политическая история революции», книга II, гл. VII).

В 1794 г. Конвент, или вернее его комитеты общественного спасения и общественной безопасности, подавили таким образом проявления коммунистических стремлений. Но дух французского народа тем не менее развивался в этом направлении, и под напором событий в течение II года республики совершилась большая уравнительная работа в коммунистическом направлении*.

*Там же.

Так, например, комиссары Конвента в Лионе Альбитт, Колло д'Эрбуа и Фуше выпустили 14 ноября 1793 г. одно замечательное постановление, которое и начали проводить в исполнение. В силу его все увечные и старые граждане, сироты и неимущие должны были «получать квартиру, пищу и одежду на счет богатых своего кантона»; а также «работа и инструменты, необходимые для их ремесла и промысла, должны быть доставляемы гражданам, способным работать». Благосостояние граждан, писали они в своих циркулярах, должно быть в соответствии с их трудом, их прилежанием и рвением, с которым они отдаются служению отечеству. Многие комиссары Конвента при армиях приходили к тому же решению, говорит Олар. Фуше взыскивал при этом тяжелые налоги с богатых, чтобы кормить бедных. Несомненно также, говорит тот же историк, что было много общин, которые практиковали до некоторой степени коллективизм (вернее, муниципальный коммунизм)*.

*Там же, гл. VIII, § «Социализм»; см. также: Lichfenberger A. Le Socialisme et la Revolution francaise. Paris, 1899, p. 179, 180; Recueil des actes du Comite de salut public, publice par A. Aulard, v. 1—21. Paris, 1889—1911, v. VIII, IX.

Мысль, что государство должно завладеть фабриками, покинутыми их хозяевами, и само вести в них производство, была высказана неоднократно. Шометт развивал ее в октябре 1793 г., когда разбирал, как отразился закон о максимуме на разных отраслях промышленности, а Жанбон Сент-Андре разрабатывал государственными средствами рудник Кархе (Carhaix) в Бретани, чтобы дать заработок рабочим. Мысль носилась в воздухе.

Но если некоторые комиссары Конвента принимали в течение 1793 г. меры коммунистического характера и действовали с целью уравнивания состояний, сам Конвент, с другой стороны, постоянно защищал интересы буржуазии, и, по всей вероятности, есть доля справедливости в замечании Буонарроти, что боязнь, как бы Робеспьер со своей группой не пустился в меры, которые послужили бы поощрением инстинктам равенства у народа, содействовала гибели этой группы в перевороте 9 термидора*.

*Buonarroti F. Observations sur Maximilien Robespierre. — La Fraternite, journal mensuel exposant la doctrine de la communaute 1842, N 17, sept. (заметка, любезно сообщенная мне д-ром М. Неттлау).

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 26 апреля 2025 18:56:39

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 26 апреля 2025 18:56:58